

Когда-то 16-летняя Верочка нарисовала две картинки. Изобразила себя в роскошных платьях на сцене. Одну картинку подписала: «В день моего славного 25-летия сценической деятельности я в роли Маргариты Готье». Другую: «Я в день моего славного 50-летия сценической деятельности в роли Клеопатры»... Шла Великая Отечественная война, юная Верочка работала во фрезерном цехе на заводе и мечтала когда-нибудь стать артисткой.

- Вера Кузьминична, вы с 1948 года работаете в Театре сатиры. Не многие артисты могут похвастаться такой творческой формой. Но вы еще и великолепно выглядите. Должно быть, приходится много над собой трудиться?

- Спасибо за добрые слова, но, признаюсь вам – я ужасно ленива. Так что для поддержания формы никаких особых усилий не прилагаю, на диетах, к примеру, не сижу. Даже напротив – обожаю хлеб, булочки, пирожки. Конечно, стараюсь не увлекаться. Физическими нагрузками я себя тоже не изнуряю. Разве что в бассейн хожу, недалеко от дома есть очень хороший. Что же касается внешности... Косметикой я пользуюсь умеренно, одеваюсь скромно. Правда, на театральные премьеры и торжества у друзей люблю одеться нарядно. Забавно, что собственные праздники мне никогда отмечать не хотелось, а на юбилеи к друзьям всегда хожу с удовольствием. В этом году 30 сентября у меня юбилей. И я все-таки решила отметить его, чтобы иметь возможность выразить свою любовь и благодарность и родному театру, и, главное, зрителям, которые всегда поддерживали меня своей любовью.

- Одну актрису на праздновании ее 85-го дня рождения спросили: «В каком возрасте женщина перестает думать о любви?». Она не задумываясь ответила: «Спросите кого-нибудь постарше!». Вы согласны с ней?

- (Смеется.) Мне, правда, на пять лет меньше, чем ей. Но думаю, что она была права! А если серьезно, то в последнее время я гораздо чаще говорю мужу о своей любви, чем делала это раньше. Мне кажется, с годами любви становится больше, чем в молодости. Конечно, это уже не влюбленность, не страсть, потому что возраст другой. Но в юности в человеке много эгоизма, а с годами увеличивается нежность и благодарность к близким, появляется потребность заботиться о них... У нас с мужем сейчас трудный возраст. Володя работал много лет вместе со мной в Театре сатиры, а сейчас ролей у него нет, хотя он по-прежнему числится в труппе. Он никогда не жалуется, сохраняет достоинство, не говорит о том, что грустно, одиноко, но я его понимаю и делаю все для

того, чтобы ему было порадостнее. Спешу домой, потому что знаю – муж ждет, чтобы я поскорее пришла, всегда мне рад. Хотя он бывает разный, даже вспыльчивый.

- А вы?

- А я ему никогда не возражаю. Всегда с ним соглашаюсь. Или помалкиваю – надо переждать, само собой все пройдет. Такая у меня мудрая позиция. Я вообще человек мирный, так что всегда предпочитаю уступить. Надо сказать, меня все наши знакомые считают хорошей женой, и думаю, так оно и есть. Женаты мы с Ушкой почти пятьдесят лет. Это я так мужа называю – Ушка, от его фамилии Ушаков. А он меня зовет Кузек, по отчеству. Доживем, даст Бог, в начале декабря будет наша золотая свадьба. Кстати, когда мы поженились, у нас не было свадьбы. Мы ее уже как бы отметили на сцене и на экране: сыграли жениха и невесту сначала в спектакле «Свадьба с приданным», а потом и в фильме.

- Владимир Петрович сразу завоевал ваше сердце?

- После войны Володя работал в Германии, в Потсдаме. После победы для наших войск там организовали драматический театр. А года через три вместе с женой – он до меня уже был женат – вернулся в Москву и поступил в Театр сатиры, где ему сразу досталась роль Максима, моего жениха. С женой Володя вскоре развелся, но не из-за меня, просто так сложились их отношения. И стал ухаживать за мной. Он красивый мужчина, а из-за того, что жил в Германии, выглядел очень барственно, одет с иголочки, держался, как киногерой. Но, несмотря на импозантную внешность, ухаживать ему пришлось года два. Я ведь поначалу не была в него влюблена. После выхода фильмов «Сказание о земле Сибирской» и «Свадьба с приданным» су меня было много поклонников. Так что Володя не стал единственным, кто смотрел на меня влюбленными глазами... Но спектакль наш шел по 17 раз в месяц, Володя играл свою роль очень искренне, так трогательно объяснялся мне в любви! И мне всегда нравились его восторженность, эмоциональность, возвышенность, отсутствие цинизма.

- Когда вы поженились, легко сошлись характерами? А то ведь бывает, что быт разочаровывает влюбленных.

- Сюрпризов не было. Когда мы расписались, я переехала жить в общежитие нашего театра, в Володину 7-метровую комнатку, которую он, кстати, прелестно обставил. У мужа есть особый дар: он видит, как должно быть красиво. Именно он у нас в семье всегда соображает, как обставить квартиру. Я даже не говорю, как бы мне хотелось. Володя сам удивительно угадывает. И от хозяйственных забот я была избавлена с первого дня нашей совместной жизни. Муж всегда понимал, что для меня главное – театр. Он настолько оградил меня от быта, что даже белье в прачечную носил сам. Я как будто в облаках жила – только театр. До сих пор не знаю, как заполнять квитанции, чтобы заплатить за квартиру, а когда к нам приходят делать уборку, Володя показывает, где пылесос, где что надо прибрать.

- Хорошо вы устроились!

- (Смеется.) Да уж, с виду такая милая, а устроилась ловко. Даже когда мы в общежитии жили, муж пригласил женщину, которая приходила готовить нам еду. Правда, она каждый раз умудрялась ужасно насорить на общей кухне. Нашими соседями были многие артисты Театра сатиры, например, Толя Папанов с женой, Татьяна Ивановна Пельтцер. Так вот Татьяна Ивановна, женщина на язык острая, после ухода нашей помощницы всегда кричала мне: «Вера, иди убирай за своей прислугой!». Смешно, конечно, звучит – домработница в общежитии. Но в этом весь Володя: он принял мою неумелость и то, что домашнее хозяйство меня не очень интересует. Детей у нас не было, и муж всю жизнь мирится с моей нехозяйственностью. До сих пор готовить я так и не научилась, разве что суп могу сварить или кашу. Многого как не умела, так и не умею: гладить, стирать, шить.

- До замужества вы были такая же нехозяйственная? Наверное, вас родители всячески баловали?

- Ну что вы! Ни о каком баловстве и речи не шло. Я ведь из очень простой рабочей семьи. Папа – из деревни, они с мамой познакомились в Твери, поженились и переехали в Москву. У обеих семьи были бедные, жили очень скромно. Папа работал шофером на заводе, мам трудилась на том же заводе. Нас, детей, у них было четверо: три сестры, я младшая, и братик Вася, младше меня на 13 лет. Жили около Чистых прудов в коммунальной квартире с паршивой маленькой кухней. Ели мы в основном картошку с капустой, из них ничего особенного не наготовишь. Какое уж тут хозяйствование! Наша семья ютилась в комнатке, которую со временем перегородили фанеркой. И вокруг народ жил тоже предельно бедный. Родители все время работали, нами особенно не занимались, и мы росли как растения.

- Тем не менее вам удалось, что называется, выбиться в люди, мало того – стать знаменитой артисткой.

- Судьба так распорядилась. При той жизни, которой мы жили, само собой, о театрах никто и не думал. Но однажды, когда мне было лет шесть, наша соседка по дому Анна Юльевна, очень культурная женщина, взяла меня в театр, на оперу «Царская невеста». Спектакль произвел на меня ошарашивающее впечатление: такая красота, костюмы, музыка, золото, свечи... С тех пор я стала мечтать о театре, который так похож на сказку. Думаю, что любовь к театру меня тогда спасала, отталкивала от серой жизни, от всего обыденного. Я все время читала – художественную литературу, пьесы, мемуары великих актрис. А когда подросла, поступила сначала в хор при Доме пионеров, потом в детскую театральную студию и при малейшей возможности старалась попасть в театр, конечно, на самые дешевые места, на галерку. Сколько себя помню, другой мечты, кроме как стать актрисой, у меня не было. Я росла, но не ходила на танцы, не каталась на коньках, не бегала на свидания, как сестры. Целыми днями сидела с книжками и мечтала... Когда началась Великая Отечественная война, мама с трехлетним Васей уехала – женщин с маленькими детьми эвакуировали. Старшую сестру Валю после окончания медицинского института отправили работать в Киргизию. Вторая сестра, Тоня, работала в Министерстве обороны, и ее вместе с министерством тоже эвакуировали из города. А папин завод остался в Москве. И мы решили, что я останусь с папой, мы с ним очень любили друг друга. Так и прокоротали войну вместе. Я перешла в вечернюю школу и поступила к папе на завод, во фрезерный цех. А когда проходил набор в Московское городское театральное училище, решила попробовать сдать туда экзамены, хотя еще не окончила школу. И меня приняли, во что я долго не могла поверить, такое это было счастье. На третьем курсе я получила приглашение сняться в фильме «Сказание о земле Сибирской». Чего совершенно не ожидала.

- Разве вы не к этому стремились?

- Я всегда умеренно оценивала свои возможности. Считала, что если чего-то и достигну, то со временем. Но кино совершенно перевернуло мою жизнь. Студенты нашего училища снимались только в массовках, а мне вдруг предложили настоящую роль – это было чудо. Тогда снимали картин пять в год, и их смотрела вся наша огромная страна по многу раз. После выхода фильма меня постоянно останавливали на улице, все называли Настенькой, так звали мою героиню. Можно сказать, что роль принесла мне буквально народную любовь. Скромная и робкая студентка, я оказалась на съемках среди признанных кумиров: Марины Ладыниной, Владимира Дружникова, Бориса Андреева. Режиссером картины был Иван Александрович Пырьев. Его все боялись, характер у

него был непростой, но ко мне он относился очень ласково, всегда хвалил: «Деточка, все хорошо». Да еще целых три месяца мы жили в Праге, где снималась часть фильма. В общем, я попала в сказку. Откуда приехала одетая, как принцесса, - у нас были очень большие суточные, вот и привезла чемодан первых в моей жизни настоящих нарядов и подарков для родных и подруг. У нас в семье обычно мама шила, и, признаться, плохо, тяп-ляп. Могла сшить мне кофточку из старой одежды сестер, так у нее почему-то оказывались рукава от разных платьев. Мама на этот счет не беспокоилась совершенно и сама с удовольствием носила свое рукоделье.

- Словом, с тех пор ваша карьера пошла в гору?

- Да, фильм стал только началом. В Театре сатиры задумали ставить спектакль «Лев Гурыч Синичкин», и я получила приглашение. Хоть и мечтала я работать во МХАТе, естественно согласилась, ведь мне, вчерашней студентке, предложили главную роль. Приняли меня очень по-доброму, я кроме «душенька», «солнышко», «деточка» других слов и не слышала. Так и вышла в первый раз в своей жизни на сцену вся обласканная. Было это 57 лет назад.

- В книге бывшей актрисы вашего театра Татьяны Егоровой «Андрей Миронов и я» довольно нелюбезно обрисована атмосфера закулисы, отношения между артистами, совсем непохоже на то, что вы сейчас рассказываете.

- Такой уж она человек. Как есть день с дождем, есть день с солнцем, так есть люди хорошие, а есть плохие. Мне кажется, ей никто из театра теперь руки не подаст. На мой взгляд, у нас очень приличный коллектив. Все зависит от того, как человек воспринимает, что вокруг происходит. Конечно, у каждого режиссера в театре есть свои любимцы, наверное, возможна и зависть одного артиста к другому, но, повторяюсь, все зависит от человека. Вот кто-то и начинает сплетничать и думать, что вокруг враги и завистники, а на самом деле ненавидит и завидует сам... Андрюша Миронов был любимцем и публики, и главного режиссера театра Валентина Плучека. Но и в труппе Андрея обожали, он был действительно всеми любим. Помню, как он пришел в театр – такой комедийный кругляшок, крепенький, очень жизнерадостный. Потом похудел и старался не поправляться, ведь, играя героев, надо обязательно иметь фигуру. Андрюша был невероятно талантливый, и это стало заметно с самого первого дня его появления в театре. Теперь, когда человека уже нет, а он так прекрасен и так знаменит, очень многие называют себя его друзьями. Мне так говорить не хочется. Мой муж был с ним близок. И Андрюша Володе всегда доверял, потому что чувствовал, что мы его искренне любим. Я так скажу: не могу назвать нас его друзьями, но любящими его

людьми – да.

- В юности вы рисовали себя в драматических ролях – Клеопатры, Маргариты Готье. Но настоящий успех вам принесли комедийные роли – в «Свадьбе с приданым», в «Женитьбе Фигаро», которые до сих пор показывают по телевидению и которые обожают зрители.

- Роль графини в «Женитьбе Фигаро» я играла много лет и очень люблю ее. «Свадьба с приданым» шла в нашем театре 900 раз – невероятно много, спектакль всегда имел бешеный успех. Были и другие работы, и они мне дороги. Но, наверное, все актеры – народ немножко жадный. И сколько бы ни было ролей, всегда кажется, что можно сделать больше, что многое упущено... У меня был период, лет 20 назад, когда мне не давали ни одной новой роли. Наверное, другой человек на моем месте попытался бы уйти в другой театр. Но я по характеру не борец. Это у меня от папы, он был очень кротким. Вот и я всю жизнь считала: мне не надо воевать, нужно быть кроткой, желать всем добра, не делать дурного. Тогда сама судьба поможет. И это действительно произошло. Мечты мои сбылись, и судьба преподнесла мне роли, к которым тянулась душа, о которых я так мечтала, - в Тверском областном драматическом театре я сыграла Раневскую в чеховском «Вишневом саде». В Орловском драматическом театре – Кручинину в спектакле «Без вины виноватые» по пьесе Островского. А в родном театре специально для меня поставили спектакль «Священные чудовища» по пьесе Жана Кокто, где я сыграла главную героиню. Я была счастлива. Ведь с годами к актеру приходит более глубокий взгляд на жизнь. Поэтому так хочется играть характеры, в которых есть и сложности, и печали.

- Похоже, вы очень чувствительная и романтическая натура?

- Вероятно, так и есть. А лучше всего чувства можно выразить на сцене. Для меня театр по-прежнему главное место в мире. Иногда у меня возникает ощущение, что красота, нюансы, нежность... ускользают. И только сцена, как ничто другое, может их удержать. Есть спектакль «Ждать?!», он для меня исповедальный. Я играю женщину в возрасте, актрису, которая из-за катастрофы больше не выходит на сцену. Возлюбленный ее оставляет. Как ей жить дальше в таких обстоятельствах, где найти силы? Приходя к большому возрасту, чувствуешь порой, как ускользает почва из-под ног. Все чаще становится страшно, одиноко. Но это – данность, к которой надо приспособиться и продолжать жить красиво. Что такое жить красиво? Это значит – чувствовать, видеть, знать, хотеть, радоваться. Вот и моя героиня снова воскресает, потому что из нее еще рвется жизнь.